

- *Ф. Ницше: вероотступник или защитник истинной веры?*
- *Экологическая теология: сущность и проявления в христианстве*

УДК 091

Ф. Ницше: вероотступник или защитник истинной веры?*

Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор

Показано, что, несмотря на наличие серьезных аргументов для обвинения в вероотступничестве, недопустимо делать однозначные и категорические выводы в случае, когда речь заходит о Ф. Ницше. Анализ его работ выявил, что философ осуществляет критику современного ему христианства как религии Власти с позиций первоначального христианства — как религии любви, как практики прожить жизнь.

F. Nietzsche: Renegade or Protectors of the True Faith?

T. Rumyantseva, PhD in Philosophy, Professor

It is revealed that, despite serious arguments that accuse F. Nietzsche of apostasy, in the case when it comes to this philosopher and especially to his attitude to Christian faith, it is not worth making unambiguous and definitive conclusions. Applying the body of the most iconic works in this context, the author shows that Nietzsche criticizes contemporary Christianity within the figures of Luther and Cromwell (as a religion of Power, beliefs and a terrible way to judge) from the position of initial Christianity as a religion of love (as a practice to live a life).

Уже более столетия имя немецкого философа Ф. Ницше ассоциируется, причем, как на уровне повседневного, так и теоретического сознания, с критикой религии, радикальным атеизмом и вероотступничеством. При этом часто вспоминают и его ставшую поистине сакраментальной фразу о смерти Бога, в которой, по словам К.Свасьяна, только «топорный и крайне немзыкальный слух» не расслышит сложной семантики с поистине «двойным дном», где само отрицание «неожиданно совращает к новому и небывалому приятию — одной случайно оброненной реплики вроде: „Что отрицал Христос? — Все, что сегодня называется христианским“» [1, с. 30].

Аргументы для обвинения Ф. Ницше в вероотступничестве, как, впрочем, и в имморализме, антисоциализме, антидемократизме, антифеминизме, антиинтеллектуализме, антисемитизме и прочих «грехах» можно с успехом, если есть необходимость, отыскать в его многочисленных работах. Что же касается темы Ф. Ницше и христианство, то чаще всего оппоненты немецкого философа апеллируют здесь к его необыкновенно ярким работам, написанным примерно с августа по ноябрь 1888 г., а также к некоторым из отрыв-

ков, датированных январем 1889 г. Имеются в виду прежде всего такие его труды, как «Сумерки идолов», «Ницше contra Вагнер», «Ессе Номо», «Дионисовы дифирамбы» и, конечно же, «Антихрист» (с ошеломляющим любой добропорядочный слух подзаголовком — «Проклятие христианству»), появившийся буквально перед «крушением» Ф. Ницше. И в самом деле, именно в этой работе он, как, пожалуй, никто и никогда до него, пытается разоблачить христианство и христианскую веру, дезавуируя посредством своих генеалогических изысков традиционные стереотипы толкования его основных догматов, а также радикально переосмысливает его роль в европейской культуре. Опять же, именно здесь можно найти ряд наиболее резких критических высказываний, прямо направленных против церкви, священнослужителей и веры: «Вера есть закрывание глаз, чтобы не страдать от зрелища неисправимой лжи. Невозможность относиться ко всем вещам прямо и честно, оптический обман... самая распространенная и самая подземная форма лжи» [2, с. 637].

Ввиду абсолютной «безусловности улики» его читатели могут вполне однозначно и категорично выдвинуть обвинительный вердикт по отношению к философу и зафиксировать, казалось бы, полное отсутствие проблемы, обозначенной в заглавии этого доклада (вероотступник или истинно верующий во Христа?). Однако в случае Ф. Ницше давать

* Выступление на III Международной научной конференции из цикла «Человек — Вера — Культура». Польша, 4–6 мая 2010 г.

однозначные ответы — значит ошибаться. Именно поэтому было бы уместно, на наш взгляд, обратиться не только к «Антихристу», но и ко всему ряду его работ (насколько это, разумеется, возможно в рамках жанра короткого выступления). Это позволит проследить своего рода истоки, или «логику», формирования его позиции в отношении христианства и, более того, показать невозможность простых решений этого вопроса.

Так, уже в ранних текстах, начиная с «Рождения трагедии из духа музыки», можно отыскать то, что называется христианской темой; философ погружается здесь в до- и нехристианские истоки христианского вероучения, пытается реанимировать христианский импульс в ритмах его языческого становления, представляя Диониса своего рода языческой потенцией Христа и полагая, что вся последующая церковная идеология как бы отрезала себя от действительных заветов самого христианства.

Следующей на этом пути станет его работа «Так говорил Заратустра», где собственно и прозвучала фраза о том, что «Бог мертв» [3, с. 8], которую надо понимать отнюдь не буквально, а как утверждение философом нового принципа определения бытия сущего, как истолкование его из него самого, а не из *над* ним поставленного сверхчувственного. Мир теперь должен принять, по Ф. Ницше, новый смысл, а человек в этом мире разворачивает свое существо из полноты своей собственной ценности. Ценности впервые, таким образом, вкладываются в мир и извлекаются из мира. Ф. Ницше резко обрушился здесь на так называемых «потусторонников», создавших все другие миры страданием и бессилием человека. Он утверждал, что Бог является «человеческим творением и человеческим безумием», и призывал в одной из речей Заратустры к тому, чтобы здесь, на земле люди чувствовали радость, «не прятали больше головы в песок небесных вещей, а гордо держали ее, земную голову, которая создает смысл земли!» [3, с. 22]. Эта работа во многом пронизана скрытыми, а порой и пародийными параллелями к Ветхому и Новому Заветам, которые ассоциируются у Ф. Ницше с оковами ложных ценностей. Именно в противовес этим «старым скрижалям» он и выдвигает здесь свои — новые ценности.

Радикальная критика христианской веры была продолжена в работе «По ту сторону добра и зла». В ней Ф. Ницше развивает далее свою мысль о противоположности веры первоначального христианства как религии любви (как практики прожить жизнь, а не верования) «чистосердечной и сварливой вере подданных» в лице Лютера и Кромвеля (как религии Власти, как верование,

как страшный способ *судить*). Заметим, что философ не был здесь первым. До него эту идею не раз высказывал Б. Спиноза и некоторые другие «привидцы», которые противопоставляли Христа как исполненную любви личность — христианству, понимаемому ими как смертоносное предприятие. Как писал Ж. Делёз, «они не страдали избытком благосклонности к Христу, но испытывали потребность не путать его с христианством» [4, с. 55]. Вера христианской церкви ассоциируется здесь у Ф. Ницше с «принесением в жертву всей свободы, всей гордости, всей самоуверенности духа и в то же время отданием себя в рабство, самопоношением, самокалечением» [5, с. 278]. Он полагал, что так Восток и восточный раб мстили Риму с его аристократической моралью, «улыбающейся беззаботностью относительно серьезности веры, ... благородным вкусом, отрицающим страдание». Критика христианства тесно увязывается в этой работе с «прозреванием» той общей опасности, которая стоит перед европейским человечеством в виде его вырождения и измельчения до стадного животного, что с необходимостью и предполагает, по Ф. Ницше, решительную переоценку всех ценностей. «Суверенные религии» (христианство и буддизм) стали для него «главными причинами, удержавшими тип „человек“ на более низшей ступени»; именно они, считает он, «сохранили слишком многое из того, что должно было погибнуть», трудились «над сохранением больных и страждущих, т. е. по существу над *ухудшением европейской расы?*» При этом *на голову* были, по его словам, поставлены все расценки ценностей, сломлены сильные, оскорблены великие надежды, заподозрено счастье, все, что есть мужественного, все инстинкты, свойственные высшему и наиболее удачному типу «человек». «Поставить всю любовь к земному и к господству над землей против земли» — такой увидел он *задачу* церкви, добившейся за восемнадцать столетий появления на земле «почти смешной породы, какого-то стадного животного, добродушного, хилого и посредственного — нынешнего европейца» [5, с. 289]. Грядущая переоценка всех ценностей и должна была положить конец этому вырождению человека.

Тема критики христианской веры и морали была продолжена далее в работе «К генеалогии морали», в которой Ф. Ницше попытался вскрыть историю происхождения и разоблачить исторический смысл основополагающих европейских ценностей через анализ таких феноменов, как *ressentiment* («добро и зло», «хорошее и плохое»), «вина», «нечистая совесть» и аскетический идеал. При этом, апеллируя к современному ему христианству, он обнаруживает у него «роковую слепоту по

отношению к самому *духу* христианской морали», который не менее резко, хотя и иначе, противопоставлен здесь абстрактному *гуманизму* и *альтруизму* современности, чем аристократический радикализм самого автора «Заратустры». Здесь мы также находим мотивы противопоставления философом подлинно христианского импульса любви различным его абберациям на почве все тех же, но уже формализованных и выхолощенных веками христианских ценностей.

Таким образом, в случае, когда разговор заходит о Ф. Ницше и его отношении к христианской вере, ни в коей мере не стоит следовать привычным для нас схемам анализа и оценок. Они начинают «давать сбой» там, где в отношении большинства других критиков христианства не было бы и тени сомнения в однозначности и категоричности выводов. Это и потому, что у Ф. Ницше мы нигде не найдем истины в виде однозначно сформулированных, раз и навсегда готовых тезисов. При этом не имеет значения: идет ли речь о сверхчеловеке или о морали, о вечном возвращении или об интересующем нас в данном случае феномене христианской веры, которому он посвятил множество строк, явно не укладывающихся в прокрустово ложе того, что банально квалифицируют в качестве атеизма. Если задаться целью и перебрать все суждения Ф. Ницше о христианстве (что физически явно нереально), то в этой совокупности можно отыскать и довольно значительный ряд высказываний, явно не стыкующихся с точкой зрения о Ф. Ницше-вероотступнике, более того, позволяющих сконструировать альтернативную по отношению к ней позицию. Хотя еще раньше, быть может, следует привести ряд свидетельств и воспоминаний близко знавших его с детства людей, отмечавших атмосферу исключительной святости (!) и праведности (!), всю жизнь окружавшей этого «вероотступника»(?). Его сравнивали с «двенадцатилетним Иисусом в храме», называли «маленьким пастором», потому что он мог часами воспроизводить библейские тексты, вызывая слезы восторга у слушателей, а в его присутствии никто не мог позволить себе произнести ни одного грубого слова и т. п.

Ф. Ницше не раз писал о христианстве как о «лучшем для него образце идеальной жизни, которую он действительно когда-либо знал»; о том, что он с детских лет следовал ему повсюду, *никогда* не погрешил против него в сердце своем, что он еще ребенком узрел Бога во всем блеске. При этом он никогда не забывал, что сам происходил из глубоко религиозного рода протестантских священников. Думается, что сложившаяся ситуация, когда прохристианские (назовем их так) откровения

Ф. Ницше явно диссонируют с его резкими антихристианскими выпадами, вызывая сомнение в истинности и тех и других, напоминая то, с чем неизбежно сталкиваешься и в сфере критики им современной морали. Поэтому при понимании «вероотступничества» Ф. Ницше следует во многом придерживаться примерно той же логики, которая позволяет дать аутентичное истолкование его имморализма — явно не в логике набившей оскомину фразы «толкни слабого». Прокламируемая им свобода *от* морали предполагала одновременно и свободу *для* морали, опирающуюся, однако, не на сумму внешних запретов, а на моральное творчество самого свободного индивидуума. Чтобы жить морально, надо было, по Ф. Ницше, иметь свободу от морали.

Важно акцентировать и то, с каких позиций Ф. Ницше критиковал христианскую веру? Для этого следует обратиться к уже упоминаемому «Антихристу». Здесь, как и в ранних текстах, его критика действительного христианства оказывается неотделимой от его (Ф. Ницше — Т. Р.) в то же время глубокой связи с христианством как первоначальной идеей самого Христа и христианством как требованием. Сам Христос изображен им как самый нежный, самый любвеобильный из декадентов, своего рода Будда, который освобождал людей от гнета священников и от всякой идеи греха, наказания, воздаяния, суждения смерти и того, что после смерти. «Не понимают, — писал он, — что церковь — это не только карикатура христианства, но и организованная *война против христианства...*» [2, с. 661]. Христианство стало для него чем-то в корне отличающимся от того, что делал и чего взыскал его основатель. «Тип „христианин“ постепенно допускает все то, что он изначально отрицал...; вся жизнь христианина оказывается наконец жизнью, *освобождение от которой проповедовал Христос...*; церковь не в меньшей мере знаменует *триумф* антихристианства...; церковь — варваризация христианства»; «человечество преклоняется перед противоположностью того, что было происхождением, смыслом, *правом* Евангелия...» [2, с. 657] и т. п.

Все эти цитаты из «Антихриста» свидетельствуют о том, что Ф. Ницше выступал против христианства, во многом опираясь на идеалы самого Христа, т. е. христианства, как он считал, аутентичного, доинституционального, требования которого с их верой в жизнь и живое, в становление все более деформировались. «Нападать на церковь, — писал он в письме к Г. Брандесу, — значит восстанавливать христианство». Спасителя, по его словам, «калечили» и «наделяли *чуждыми* чертами»; «вера Христа — не приобретается завоеванием... не

гнева, не порицает, не обороняет себя: она не приносит „меч“, она не предчувствует, насколько она может сделаться началом разъединяющим. Она не нуждается в доказательствах: она сама всякое мгновение есть свое чудо, своя награда, свое доказательство, свое «Царство Божье» [6, с. 23].

Ф. Ницше был убежден, что только он один понял то, чего не понимали 19 веков, и объявил войну всей этой «святой лжи» постепенно углубляющегося грубого непонимания *первоначального* символизма (христианства — Т. Р.) и подлинно аристократического характера его ценностей. Только он один и рассказывает, как он полагал, «истинную историю христианства»; при этом само слово «христианство» кажется ему не более чем «недоразумением», так как «в сущности был только один христианин, и он умер на кресте». То же, что после смерти на кресте назвали «Евангелием», было, по его мнению, уже противоположностью его жизни. Именно первоначальное христианство породило и впервые вызвало к жизни, по Ф. Ницше, ту волю к знанию, от которой и по сей день «зажигают факелы все ищущие познания». Поэтому философ считает необходимым «не просто отделаться от всего христианского» или же вернуться во времена первоначального христианства, «но преодолеть его через сверххристианское», опираясь при этом на те силы, которое принесло в мир само христианство.

Здесь опять угадывается решение, во многом аналогичное в случае с моралью, когда Ф. Ницше противопоставлял последней точку зрения «по ту сторону добра и зла», означающую поиски чего-то большего, чем мораль современная. Поэтому он и писал, что мы желаем сделаться наследниками морали, уничтожив ее..., что все, что мы делаем, — всего лишь моральность, только обратившаяся против своей прежней формы. Так и борьба против институционализованного христианства всегда велась в истории, по Ф. Ницше, с позиций подлинных христианских импульсов, носителем которых и был он сам, от начала и до конца своей жизни веривший в высшую мораль, в которой он признавал всегда, однако, лишь человеческую, а не религиозную истину. Он считал, что «христианство в сущности есть дело сердца; лишь когда оно глубоко в нас укореняется, когда оно становится самым складом нашей души, человек делается истинным христианином. В основных постулатах христианства высказаны лишь главные истины

человеческого сердца. Это — символы, точно так же, как высшее всегда служит лишь символом еще более высокого» [2, с. 661].

Так, вслед за великим Б. Спинозой, одним из первых в Новое время осуществившим имманентную критику Библии, Ф. Ницше подверг пристальной, подлинно философской рефлексии сами основания христианства. Его выводы были неутешительны: путь Иисуса как очищающая и жизнеутверждающая жизненная практика сменился истовой *верою на коленях*, трансформировавшейся, в свою очередь, по его словам, в «циничное учение с гарантиями для посвященных». По мысли философа, «человечество преклоняет колена перед прямой противоположностью того, что составляло источник, смысл и право Евангелия; в понятии „Церковь“ оно освящает именно то, от чего стремился уйти божественный „Благо-вестник“ и что он считал, наконец, преодоленным...» [2, с. 661].

На полстолетия позже протестантский теолог Д. Бонхёффер в своих письмах из нацистского концлагеря не только примет допущения Ф. Ницше о том, что христианская мораль обращена против христианского Бога, но и пойдет в своих вопрошаниях и выводах даже дальше него. Он напишет о том, что в «совершеннолетнем» мире взрослый человек будет свободен от религии, и таковой мир будет ближе к Богу. Следуя без посредников за Его Словом, человек повернется лицом к миру и будет приносить пользу людям. Для того, чтобы осталось христианство, Бога необходимо вернуть в течение самой жизни. Он не в наших страданиях и неразрешенных проблемах, он — в успехах людей, в их борьбе за душу ближнего, в преодоленных препятствиях Зла.

Список цитированных источников

1. *Свасьян, К.* Фридрих Ницше: мученик познания / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 1.
2. *Ницше, Ф.* Антихрист / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 2.
3. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 2.
4. *Делёз, Ж.* Критика и клиника / Ж. Делёз. — СПб., 2002.
5. *Ницше, Ф.* По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 2.
6. Письма Ф. Ницше / сост. и пер. И. Эбаноидзе. — М., 2007.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.10.2010 г.